

УДК 930.26(517.6)

DOI 10.24412/1026-8804-2021-2-170-188

Колчаны и налучья чжурчжэней как исторический источник

Дмитрий Валентинович Маковеев,

старший лаборант сектора средневековой археологии
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: demon.eretic@mail.ru

Целью данной статьи является обобщение информации о чжурчжэньских колчанах, налучьях, а также портупеях для их ношения, что, в свою очередь, служит решению задачи реконструкции чжурчжэньского комплекса оружия дальнего боя. Указывается, что в разное время исследователи уже обращались к этим вопросам. Так, В.Э. Шавкунов исследовал колчаны чжурчжэней по сохранившимся средневековым изображениям, а также отдельным археологическим находкам, определённым как детали колчанов. Ю.М. Васильев разрабатывал реконструкцию колчанной портупеи амурских чжурчжэней, основываясь на находках из могильников Приамурья. Автор отмечает, что предметы, имеющие отношение к колчанам и колчаным портупеям, были найдены и в Приморье: на Лазовском, Ананьевском, Шайгинском городищах, — но эти находки не предоставили возможности произвести точную реконструкцию колчана. Детали налучий в чжурчжэньских памятниках не были обнаружены, поэтому реконструкцией чжурчжэньского налучья как отдельного предмета не занимался никто из исследователей, однако его облик можно восстановить по изображениям. Источниковой базой исследования послужили изображения чжурчжэней из цзиньских памятников, китайские картины с изображениями чжурчжэньских воинов XI—XII вв., нарисованные художниками XIII—XVIII вв., фрески из киданьских гробниц эпохи государства Ляо, а также археологические материалы с чжурчжэньских памятников Приморья и Приамурья. Проведённое исследование позволило сделать выводы о том, какие колчаны, налучья и портупеи использовались чжурчжэнями.

Ключевые слова: чжурчжэни, государство Цзинь, предметы вооружения, колчан, налучье, колчанная портупея.

Jurchen Quivers and Sagadaks as Historical Source.

Dmitriy Makoveev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: demon.eretic@mail.ru.

To solve the problem of reconstructing the Jurchen complex of ranged weapons, it is necessary to study the military equipment: quivers, sagadaks and quiver belts. At different times, researchers have addressed these issues. V.E. Shavkunov examined the Jurchen quivers according to the preserved medieval images as well as individual

archaeological findings identified as details of quivers. Y.M. Vasilyev developed the reconstruction of the quiver belt of the Amur Jurchens based on the findings from the burial grounds of the Amur Region. The items related to quivers and quiver belts were also found at Lazovskoye, Ananyevskoe, Shaiginskoye settlements in Primorye, but these findings did not provide an opportunity to make the accurate reconstruction of the quiver. No details of the sagadaks were found in the Jurchen monuments; therefore, none of the researchers were engaged in the reconstruction of the Jurchen sagadak as a separate object, but its image can be restored from the pictures. The sources for the study were the images of the Jurchens from the Jin monuments, Chinese paintings with the images of the Jurchen warriors of the 11th–12th centuries, which were painted by artists of the 13th–18th centuries, frescoes from Khitan tombs of the Liao state as well as archaeological materials from the Jurchen monuments in the Primorye and Amur Regions. The research made it possible to conclude what quivers, sagadaks and quiver belts were used by the Jurchen people.

Keywords: Jurchen people, Jin State, military equipment, quivers, sagadak, quiver belt.

Чтобы решить задачу реконструкции чжурчжэньского комплекса оружия дальнего боя, необходимо изучить приспособления для ношения этого оружия: колчан, налучье и колчанную портупею. В разное время исследователи уже обращались к этим вопросам. Так, В.Э. Шавкунов исследовал колчаны чжурчжэней по сохранившимся средневековым изображениям, а также отдельным археологическим находкам, определённым как детали колчанов [13, с. 31–32]. Ю.М. Васильев разрабатывал реконструкцию колчанной портупеи амурских чжурчжэней, основываясь на находках из могильников Приамурья [3, с. 75–77]. Кроме того, предметы, имеющие отношение к колчанам и колчанным портупеям, были найдены и в Приморье: на Лазовском [7, с. 31], Ананьевском [11, с. 107–157], Шайгинском [13, с. 152] городищах, но эти находки не предоставили возможности произвести точную реконструкцию колчана. Детали налучий в чжурчжэньских памятниках не были обнаружены, поэтому реконструкцией их как отдельного предмета не занимался никто из исследователей, однако облик этого предмета можно восстановить по изображениям. Задачей данной статьи является обобщение информации о чжурчжэньских колчанах, налучьях, а также портупеях для их ношения. Источниковой базой исследования послужили изображения чжурчжэней из цзиньских памятников, китайские картины с изображениями чжурчжэньских воинов XI–XII вв., нарисованные художниками XIII–XVIII вв.¹, фрески из киданьских гробниц эпохи государства Ляо, а также археологические материалы с чжурчжэньских памятников Приморья и Приамурья.

¹ На чжурчжэньское происхождение воинов с данных китайских картин (помимо тематики произведений) указывают характерные типологические признаки, отличающие их от китайцев, тангутов и киданей: пышные бороды, косы, серьги специфической формы, оформление халатов оторочкой мехом, вид запаха халата, пояса с подвешенными стилизованными серебряными «рыбками», низкие головные уборы с подбородочными ремнями, часто с меховой оторочкой [2, с. 75].

КОЛЧАН

Система реконструкции колчана (как по археологическим находкам, так и по сохранившимся оригинальным изображениям) в отечественной археологической науке была разработана Ю.С. Худяковым. Согласно его исследованиям, с древности и до времени монгольских завоеваний большинство народов Азии применяли простые колчаны из бересты или, что реже, из кожи, как правило, с приёмником цилиндрической формы. Такой колчан представляет собой каркас из деревянных реек, обтянутый выделанной кожей, плотной тканью либо берестой. Наиболее распространены были два вида колчана: первый — с горизонтально срезанным верхом, стрелы в нём были расположены наконечниками вниз, второй — с верхом «карманом», в него стрелы укладывались наконечниками вверх. Завоевательные войны монголов явно создали предпосылки к эволюции колчанов, после монгольских завоеваний в Азии начали распространяться колчаны-футляры со сложным внутренним устройством [1, с. 126—153].

Если обратиться к средневековым изображениям чжурчжэней, становится очевидно, что ими применялись колчаны с горизонтально срезанным верхом, немного расширяющимся кверху устьем, с расположением стрел наконечниками вниз. Это самая простая форма колчана-короба. Донце колчана могло быть сужающимся (рис. 1: 1) либо плоским (рис. 1: 2). Небольшое расширение устья колчана кверху было нужно, чтобы оперение

Рис. 1. 1 — изображение чжурчжэня из энциклопедии «Саньцай Тухуй» («Иллюстрированное издание собраний трёх вещей»), 1606 г. [5, с. 101]; 2 — изображение чжурчжэньского лучника на стене мавзолея в Сянтунцзяне у г. Соян, середина XII в. [13, с. 155]; 3 — чжурчжэньский охотник, фрагмент картины сунского художника Чжао Бо-сюй «Возвращение домой фаньского всадника с охоты, между 1120—1162 гг. [13, с. 155]

стрел не повреждалось при ношении. Носился этот колчан, судя по рисункам (рис. 1), на правом боку в почти вертикальном положении.

Колчан с закруглённым донцем (рис. 1: 1) был очень прост в изготовлении, поскольку он мог быть сшит из одного большого куска материала. Но из-за сужающегося книзу донца такой колчан был не слишком вместителен. Колчан же с плоским донцем, представляющим собой отдельную деталь (рис. 1: 2), мог вмещать больше стрел. Монгольские простые колчаны XII—XIII вв. имели плоское днище, которое пришивалось отдельно, швом наружу. Возможно, что и чжурчжэньские простые колчаны этого периода имели донце в виде отдельной детали. На использование чжурчжэнями подобных колчанов, похожих по форме на трубу, указал Ю.С. Худяков. Исследователь также предположил, что эти колчаны чжурчжэней могли снаружи обтягиваться выделанными шкурами животных [1, с. 130].

На изображении чжурчжэня (рис. 1: 3) можно видеть только устье колчана (нижняя часть приёмника и донце не видны), а также налучье, которое стрелок носит на ремне слева. Форма устья колчана не оставляет сомнений: наряду с колчаном с горизонтально срезанным верхом у чжурчжэней применялся и колчан с устьем-«карманом». Последний был устроен сложнее: характерным элементом его конструкции было расширяющееся устье, выполненное в виде стоячего «воротника» с округлым или веерообразным верхом. Стрелы в такой колчан клали наконечниками вверх, поэтому, чтобы не мять оперение, короб имел существенное расширение у днища. Так решался и вопрос хранения стрел в колчане без риска затупления наконечников. Последнее было особенно актуально, если находящиеся в колчане стрелы были снабжены большими наконечниками со сложными, «лезвийными» поражающими элементами; среди известных по археологическим находкам чжурчжэньских наконечников подобных немало. Ещё одно преимущество такого устройства колчана заключалось в том, что при расположении устья как бы «сбоку» и наличии крышки колчан меньше забивался мелким мусором и грязью [10, с. 219]. К недостаткам колчана с «карманом» следует отнести не слишком большую вместимость, а также несколько более сложную укладку и извлечение стрел. Колчан аналогичной конструкции изображён на фреске в киданьской гробнице [14, с. 38] (рис. 2). Возможно, колчан с «карманом» был своего рода статусным предметом, если учитывать богатое убранство изображённой на киданьской фреске комнаты и бронзовых рыбок на поясных ремнях чжурчжэней. На рисунке видно, что колчан с «карманом» висит на ремне не вертикально, а под углом. Объясняется это конструкцией чжурчжэньской портупей для ношения колчана, о которой будет сказано ниже.

На других киданьских фресках с изображениями лучников (рис. 3) просматриваются колчаны с горизонтально срезанным верхом и расположением стрел наконечниками вниз. В отличие от чжурчжэньских, эти киданьские колчаны более плоские, подпрямоугольной формы. Ю.С. Худяков считал, что этот вариант предшествовал плоским колчанам-футлярам более поздних времён [1, с. 130]. Ясно также, что «трубкообразная»

Рис. 2. Фреска на стене многокамерной могилы вблизи деревни Бао-Шань-цун волости Дун-ша Бужитай Хошуна Ар-Хорчин-циг. Чифэн, 923 г. [14, с. 38]

Рис. 3. 1 — фреска в ляосской могиле на горе Бэйяншань в деревне Саньчжанцзунь посёлка Сицзячжичзэнь Хошуна Аохань-ци [14, с. 159]; 2 — фреска на потолке ляосской могилы в деревне Цицзяцунь волости Манихань, 1099 г. [14, с. 180—181]

Рис. 4. Изображение сунского всадника. Источник:
URL: <http://dragonsarmory.blogspot.com> (дата обращения: 20.03.2020)

(по выражению Ю.С. Худякова) форма чжурчжэньских колчанов с горизонтально срезанным верхом развилась не под киданьским влиянием.

В XII—XIII вв. чжурчжэни вели длительные войны с китайской империей Сун. На гравюре (рис. 4), изображающей сунского конного воина, отчётливо просматривается «трубкообразный» колчан, висящий на поясном ремне всадника почти вертикально. Его внешний вид и расположение схожи с обликом чжурчжэньского «трубкообразного» колчана (рис. 1: 2). Стрелы на этом изображении накрыты и обвязаны куском ткани либо мягкой кожи; неизвестно, расположены они наконечниками вверх или вниз². Возможно, что чжурчжэньские колчаны «трубкообразной» формы появились в процессе контактов с сунцами.

Неизвестно, какой из видов колчана у чжурчжэней был более распространён. Если стрелок носил набор стрел с большими, широкими наконечниками (такими, как чжурчжэньские срезни), ему было предпочтительнее использовать колчан с «карманом» и расположением стрел наконечниками вверх. В этом случае выбор нужной стрелы и её

² По-видимому, эта своеобразная «крышка» не являлась деталью самого колчана.

извлечение не представляют сложности: наконечники не цепляются друг за друга. В случае же, если стрелок носил набор максимально унифицированных стрел с объёмно-гранёными наконечниками, лишёнными выступающих элементов (такими, как чжурчжэньские долотовидные наконечники), ему больше подходил колчан с горизонтально срезанным верхом. Можно предположить следующее: так как чжурчжэньские наконечники отличаются большим многообразием форм, колчан с «карманом», безусловно, применялся. Но, поскольку бронебойные наконечники составляют среди чжурчжэньских в процентном соотношении большинство, то очевидно, что в периоды войн (и, соответственно, массового производства оружия) широкое распространение получил колчан с горизонтально срезанным верхом.

Представляют интерес вопросы о вместимости и размерах чжурчжэньских колчанов, а также о материале, из которого они были изготовлены. В «Цзинь Ши» есть описание чжурчжэньского генерала Пуча Шицзе: «Шицзе, по обыкновению одевшись в доспехи и привесив меч, *клат в колчан сотню стрел* (курсив мой. — Д.М.), брал в руку копьё и, вскочив на коня, разъезжал в войске» [6, с. 146]. Цифра, приведённая в данном эпизоде, явно недостоверна: колчан подобной вместимости был бы слишком велик, чтобы носить его на себе или даже пристёгнутым к седлу³. Ответить на вопрос о вместимости чжурчжэньского колчана частично могут помочь данные археологии. Находки в могильниках Приамурья большого количества наконечников, лежащих рядами друг на друге, заставляют предположить, что эти стрелы находились в колчане. По свидетельствам Ю.М. Васильева, чаще всего встречается количество 23—25 стрел⁴. Некоторые колчаны могли быть и более вместительны — на Луданниковой сопке найдена подборка из 39 наконечников, а в Анюйском могильнике — из 56 [3, с. 77].

На чжурчжэньских памятниках Приморья наконечники стрел встречаются во многих жилищах. В некоторых случаях большое количество наконечников находится в одном месте, и это даёт основание полагать, что стрелы лежали в колчане. При раскопках Лазовского городища В.Д. Ленковым было найдено несколько таких подборок наконечников. В жилище № 2, вблизи левого от входа очага, располагались 9 наконечников: 5 долотовидных и 4 срезня. В жилище № 3, в левом от входа очаге кана, — 45 наконечников стрел: 18 долотовидных, 24 долотовидных с зубчатой головкой, 2 срезня, 1 пулевидный. В жилище № 22 была найдена подборка из 33 наконечников: 16 долотовидных, 11 лавролистных, 6 долотовидных с зубчатой головкой. В жилище № 68, вблизи очага, также обнаружена подборка из 15 долотовидных наконечников с зубчатой головкой

³ Можно предположить, что Пуча Шицзе, как и любой чжурчжэньский всадник, мог носить у седла несколько колчанов с запасом стрел, но оригинальные изображения конных лучников этого не подтверждают.

⁴ Это, в среднем, соответствует вместимости колчанов большинства культур Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья (X—XIV вв. н.э.).

и 7 лавролистных⁵ [7, с. 31]. По всей видимости, колчаны чжурчжэней могли отличаться друг от друга по вместимости. Кроме того, эти находки дают понять, что набор стрел в колчане чжурчжэньского стрелка не был однородным: комплект стрел с бронебойными наконечниками дополнялся стрелами, предназначенными против бездоспешного воина либо вражеских лошадей.

Одна находка вызвала особый интерес. Рядом с наконечниками была найдена узкая железная полоса с маленькими гвоздями. Изначально исследователи считали этот предмет фрагментом обкладки, которая скрепляла колчан по периметру, увеличивая его прочность. Однако впоследствии С.В. Макиевский доказал, что эта находка на самом деле является деталью соломорезки [8, с. 200].

Представление о размерах чжурчжэньского колчана можно составить, ориентируясь на параметры стрел. Если предполагать среднюю длину чжурчжэньской стрелы около 70–80 см [9, с. 194], то длина колчана с горизонтально срезанным верхом (в который стрелы помещались не полностью) должна была составлять около 50–60 см. Колчан с «карманом», в который стрелы помещались целиком, должен был быть на 2–3 см длиннее стрелы. О материале, из которого чжурчжэни изготавливали колчаны, к сожалению, можно высказать лишь предположения. Начиная с эпохи хунну у большинства народов Сибири и Центральной Азии самым распространённым материалом для изготовления колчанов была береста. Но у киданей государства Ляо и — впоследствии — у монголов начали применяться колчаны из плотной кожи, натянутой на деревянный каркас (при том, что берестяные колчаны долгое время продолжали использоваться) [12, с. 77]. Один полностью сохранившийся колчан с «карманом» монгольского производства (изготовлен около 1290 г.) хранится в музее «Метрополитен», в Нью-Йорке (рис. 5). Колчан имеет длину 82,6 см и заметное (в полтора раза) расширение книзу. Он изготовлен из тростника, обтянутого толстой кожей. Креплений для стрел внутри него нет, состояние дна не оставляет сомнений, что стрелы хранились наконечниками вверх. Колчан имеет обкладку по периметру из железных полос, скреплённых

Рис. 5. Кожанный колчан с «карманом» монгольского производства, около 1290 г. [1, с. 127]

⁵ К сожалению, во всех перечисленных случаях исследователь не зафиксировал, как именно лежали наконечники в подборке, указав лишь факт их нахождения в одном месте.

металлическими гвоздиками с полусферическими шляпками. Полоса на левой стороне колчана снабжена двумя железными петельками, сквозь которые продевались кожаные ремешки портупей⁶ [1, с. 127]. Железные полосы данного монгольского колчана имеют сходство с предметом, который был найден В.Д. Ленковым (что и заставило изначально считать его обкладкой колчана). Вопрос о конструкции колчанов приморских чжурчжэней, таким образом, остаётся открытым.

НАЛУЧЬЕ

Налучье — это чехол, в котором хранится и переносится лук. Судя по известным данным, в раннем средневековье кочевники Евразии носили луки со спущенными тетивами. Для переноски применялись длинные узкие чехлы, как правило, из кожи животных [1, с. 110]. Налучья, в которых носились натянутые луки, начали широко применяться в Азии приблизительно с IX—X вв. Причина этого в том, что повышение качества луков дало возможность их длительного ношения в натянутом состоянии без уменьшения упругости. Преобладающим типом налучий стал кожух, повторяющий форму нижней половины лука в натянутом положении. Налучье представляло собой деревянный каркас, обтянутый плотной кожей или тканью. У монголов такие налучья назывались *хоромсого* [1, с. 109]. Широкая горловина позволяла быстро выхватить лук; иногда на днище делалась небольшая прорезь, в которую входил нижний конец кибити, она облегчала хранение оружия [10, с. 219].

При внимательном рассмотрении чжурчжэньских налучий на изображениях (рис. 6—8) становится понятно, что они имеют большое сходство с монгольскими *хоромсого*. Причина распространения такого налучья у чжурчжэней (при главенстве на поле боя вооружённой луками конницы) очевидна. Только оно давало всаднику возможность быстро выхватывать лук во время движения. Чжурчжэни носили налучье на поясе слева, почти горизонтально, кибитью вверх и тетивой вниз. На изображении чжурчжэньского князя (рис. 6) открытый конец кибити направлен вперёд. Этот способ ношения лука удобен для пешего стрелка. Видно, что лицевая часть налучья украшена богатой росписью. Также на данном изображении можно различить ещё один ремешок, которым налучье крепится к поясу, он отходит от участка налучья чуть ниже устья. Назначение данного ремешка, очевидно, в том, чтобы налучье не болталось при движении, а удерживалось на поясе под нужным углом; регулировкой ремешка угол крепления налучья к поясу мог изменяться. Подобные ремешки просматриваются и на изображениях монгольских налучий XII—XIII вв., они крепились к налучью с помощью металлической округлой бляхи или петли.

⁶ Колчан носился на правом боку наклонно, касаясь тела стрелка «внутренней», гладкой стороной. В отличие от чжурчжэньских колчанов, он не имеет какого-либо дополнительного крепления за донце.

Рис. 6. Изображение императора Цзинь [5, с. 101]

Рис. 7. Плоское железное литое изображение, найденное на Краснояровском городище при несанкционированных раскопках, между 1215—1233 гг. (фото из личного архива Н.Г. Артемьевой)

Рис. 8. Чжурчжэньский всадник. Китайская миниатюра, конец XIII в., приписывается Чжао Мэнфу (галерея искусств Фриера, Смитсоновский институт, Вашингтон, США). Источник: URL: <https://www.freersackler.si.edu/object/F1911.266> (дата обращения: 31.01.2019)

На изображении чжурчжэньского всадника на картине Чжао Мэнфу (рис. 8) открытый конец кибити также направлен вперёд. Такое расположение лука несколько затрудняет управление конём, но позволяет быстро выхватить оружие. Следует полагать, что налучье изображено так намеренно. Высокая детализация изображения на этой картине даёт понять, что налучье чжурчжэня изготовлено из кожи, возможно, покрытой мехом.

Устье налучья широкое; лук помещён глубже середины кибити. Очевидно, что данное налучье — простая утилитарная вещь, предназначенная для ношения лука на войне или охоте⁷. Как устроен колчан, неизвестно, видно лишь, что стрелы расположены оперением вверх.

У чжурчжэньского всадника на плоском литом железном изображении (рис. 7), напротив, налучье расположено так, что открытый конец кибити отклоняется назад. Так же, судя по изображениям, носили свои луки кидани (рис. 3). Этот способ особенно удобен для всадника при ведении конного боя: расположение лука не мешает управлять конём. Кольцо или петля, за которое налучье подвешивалось к поясу, крепилось к верхнему углу, со стороны кибити лука.

В киданьской гробнице принцессы Чэнь-го, относящейся ко времени государства Ляо, было найдено большое налучье (рис. 9). Оно изготовлено из древесины байи, окрашено в красно-бурый цвет и покрыто снаружи росписью (в окружении облаков изображён золотой феникс с длинным хвостом и расправленными крыльями) [15, с. 62—63]. Длина налучья — 74,5 см, ширина — 10—25 см, толщина составляет 2,9 см. Его форма соответствует форме чжурчжэньских налучий на изображениях, но оно имеет необычную конструкцию «плоской шкатулки» из двух половин, которые раскрываются на серебряных пряжках-шарнирах. Интерес представляют следующие факты: проушина⁸ для крепления налучья к ремню портупей находится там же, где и у чжурчжэньских налучий — вблизи устья, со стороны кибити. Но конструкция этого своеобразного «налучья-шкатулки» такова, что извлечение лука через устье невозможно. Для того чтобы вынуть лук, пришлось бы расстегнуть пряжку и снять налучье с ремня. Следует предположить, что предназначение этого налучья заключалось в «парадном» ношении оружия, когда быстрое выхватывание лука не предполагалось.

КОЛЧАННАЯ ПОРТУПЕЯ

Согласно реконструкции колчана киданей государства Ляо, которую произвёл Ю.С. Худяков, он крепился к поясному ремню высоко, с помощью колец или крючков. Портупейные ремешки не использовались. Носился киданьский колчан (как и киданьское налучье) наклонно, днищем вперёд, горловиной назад [12, с. 77]. Этот способ противоположен тому, что был распространён на протяжении всего средневековья у большинства народов Восточной Азии (горловиной вперёд, днищем назад). При верховой

⁷ Поскольку «верхняя» половина лука при ношении ничем не закрывалась, неизвестно, как чжурчжэни во время продолжительных боевых действий сохраняли луки от осадков, которые могли испортить оружие. Возможно, существовали большие чехлы, в которые лук укладывался полностью при длительном хранении, а в боевом походе налучье (как и стрелы в колчане) могло накрываться и обвязываться куском мягкой кожи или плотной тканью.

⁸ Она снабжена серебряной пряжкой в форме персика.

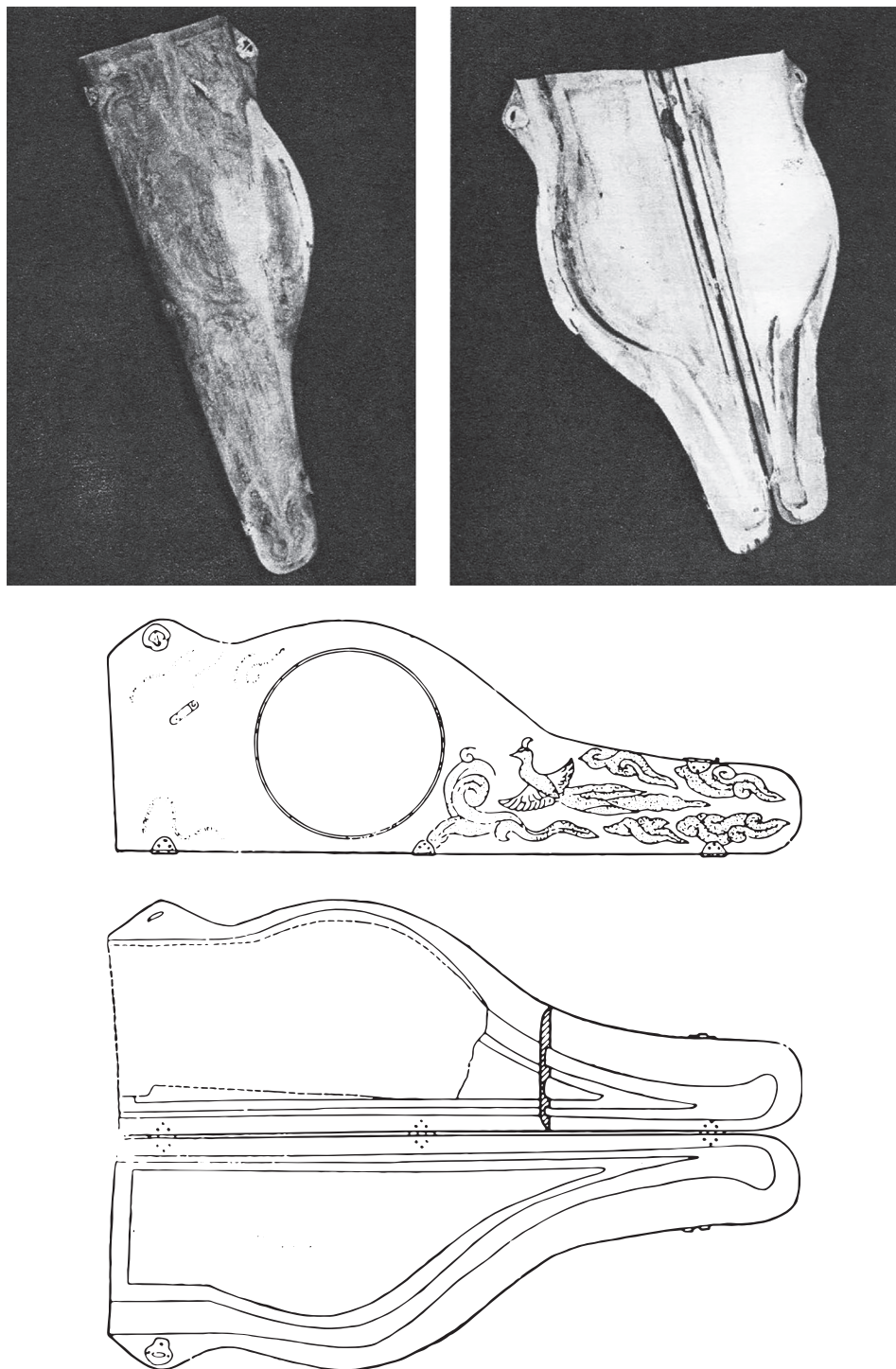

Рис. 9. Плоское деревянное налучье, найденное в гробнице принцессы Чэнь-го, 1018 г. [15, с. 244]

стрельбе стрелы извлекались правой рукой через левое плечо, так же, как и при ношении колчана за спиной. Реконструкция, проведённая Ю.С. Худяковым по археологическим находкам [12, с. 77, 90], соответствует облику киданьских портупей, изображённых на фресках в киданьских гробницах (рис. 3). Чжурчжэни воевали против киданей на протяжении многих лет и часто (прямо или косвенно) перенимали у них оружейные новшества. На первый взгляд, логично предположить, что чжурчжэньская портупея была конструктивно схожа с киданьской. Но при сравнении чжурчжэньских и киданьских изображений видно, что колчаны чжурчжэней с горизонтально срезанным верхом висят ниже и не отклонены устьем назад, а колчаны с «карманом», напротив, имеют наклон вперёд. Следовательно, чжурчжэньские портупеи должны были отличаться от киданьских.

Попытку реконструкции колчанной портупеи амурских чжурчжэней по археологическим материалам сделал Ю.М. Васильев [4, с. 76]. Согласно его исследованиям, ремни для портупей изготавливались из свиной кожи, ширина их составляла около 3 см [4, с. 129]. Помимо самих ремней, портупея состояла из трёх обоймиц-тройников, двух одиночных оконечников с кольцами и двух крючков: застёжки и донного крюка (рис. 10: 2). Последний элемент особенно интересен. Исследователь предположил, что возле донца колчана располагался небольшой крюк, к которому прикреплялся дополнительный ремешок портупеи. Этим ремешком колчан удерживался на поясе в одном наклонном положении. Длиной ремней могла регулироваться высота подвешивания колчана и угол его наклона. Последнее было актуально потому, что положение колчана на поясе у пешего стрелка и у всадника должно было отличаться. Назначение крючка на донце состояло в том, что стрелок мог легко изменить положение колчана, «отцепив» его от ремешка и пристегнув к другому элементу снаряжения. Маленькие колчаные крюки были найдены и на чжурчжэньских городищах Приморья (рис. 11) [13, с. 152]. Один полностью сохранившийся пояс был найден при раскопках на Луданниковой сопке [4, с. 131–132]. Он сделан не из кожи, а из плоских железных дугообразных пластин, соединённых шарнирами. Назначение этого пояса в точности неизвестно, однако рядом с ним находились два маленьких железных кольца, а одна из пластин снабжена крюком для подвешивания (рис. 10: 3). Это заставляет предположить, что пояс из железных пластин применялся чжурчжэнями для ношения достаточно тяжёлого оружия — возможно, налучья, колчана и меча. Ю.С. Худяков высказал мнение, что подобный пояс мог обеспечивать воину дополнительную защиту, будучи надетым поверх железного или стёганого доспеха [2, с. 104].

При раскопках Ананьевского городища в Приморье также неоднократно были найдены подборки наконечников, заставляющие предположить, что стрелы находились в колчане. Первая такая находка была сделана при раскопках жилища 1 в 1973 г. Подборка состоит из 23 долотовидных наконечников, лежащих друг на друге ровными рядами по 5–6 штук (рис. 12). При раскопках в последующие годы В.А. Хорев, фиксируя подобные

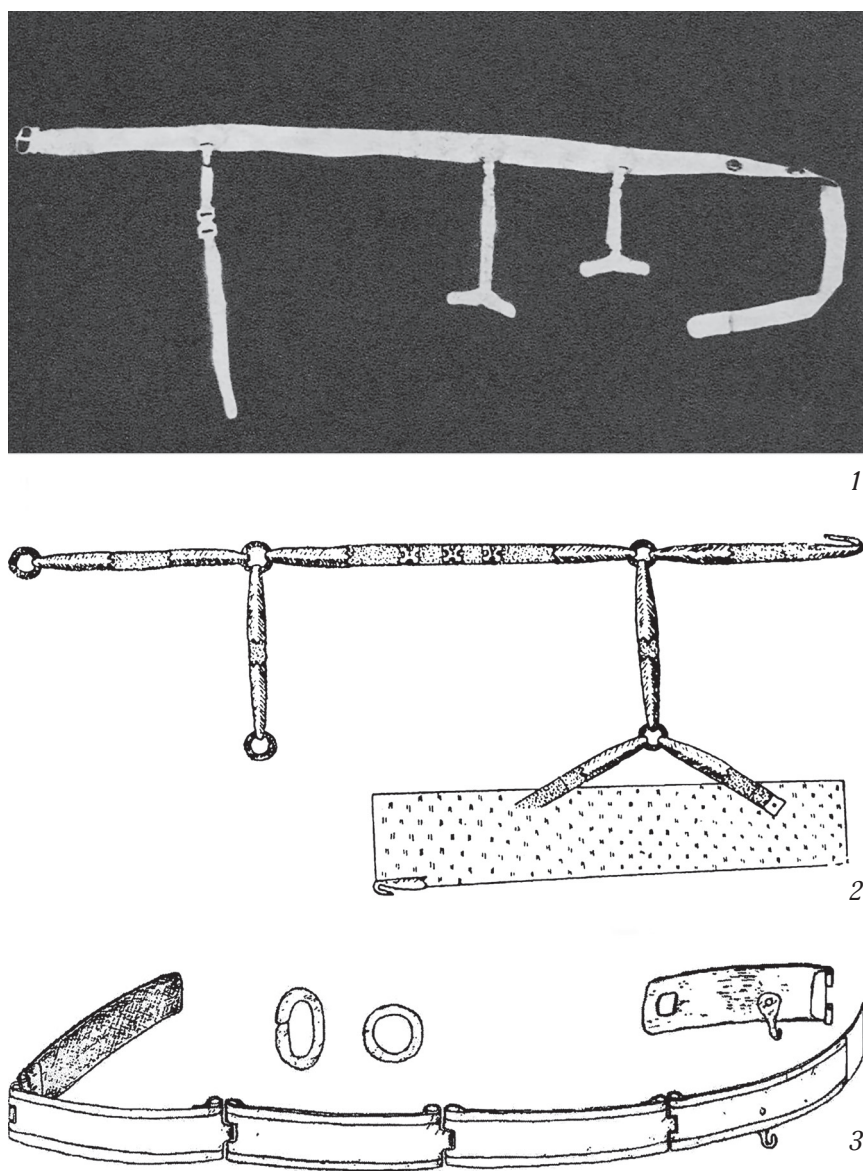

Рис. 10. 1 — портупея, найденная в гробнице принцессы Чэнь-го, 1018 г. [15, с. 247]; 2 — реконструкция поясной колчанной портупеи [3, с. 76]; 3 — пояс из железных пластин, реконструкция [4, с. 132]

находки, отмечал, что очень часто в непосредственной близости от наконечников располагались небольшие пряжки и наременные хомутки [11, с. 107—157] (рис. 13). По всей видимости, эти предметы, часто определяемые исследователями как детали конской упряжи, на самом деле являлись элементами колчанной портупеи [3, с. 75]. Полная реконструкция портупеи по данным предметам не представляется возможной, однако ясно, что она изготавливалась из чуть более узких, если сравнивать с поясами чжурчжэней Приамурья, ремней (около 2 см), а вместо

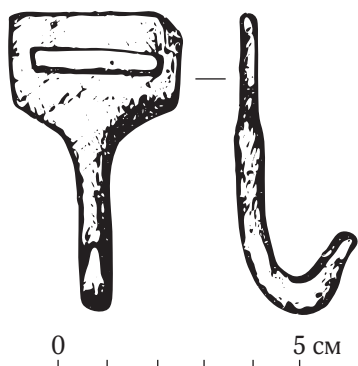

Рис. 11. Железный колчаный крюк, Шайгинское городище, между 1215—1233 гг. [13, с. 152]

застёжки-крючка использовались пряжки и хомутки из железа и бронзы.

В киданьской гробнице принцессы Чэнь-го, относящейся к времени государства Ляо, рядом с описанным выше налучьем была найдена портупея [15, с. 78—79] (рис. 10: 1). С её длинного (около 113 см) поясного ремня свисают три малых ремешка (36,5, 19,5 и 13,5 см). Поскольку самый длинный из них был продет сквозь пряжку налучья, очевидно, что портупея предназначалась для ношения лука. Этот ремешок состоит из двух частей, соединённых квадратной обоймицей; её можно перемещать, меняя высоту подвешивания налучья.

Два других ремешка также состоят из двух частей, соединённых маленьким круглым кольцом. Их предназначение, очевидно, состояло в поддержке налучья за середину, причём расположение налучья (почти горизонтальное) и угол наклона соответствуют тому, что можно наблюдать на изображении чжурчжэньского князя (рис. 6). По всей видимости, портупея данного вида специально предназначалась для «парадного» ношения оружия.

Возникает вопрос: носились ли колчан и налучье чжурчжэней на одной портупее или на разных? Ю.М. Васильев, приводя свою реконструкцию, склонялся к идее, что чжурчжэньская портупея представляла собой

Рис. 12. Подборка наконечников стрел, лежавших друг на друге (предположительно, в колчане), Ананьевское городище (фото В.А. Хорева)

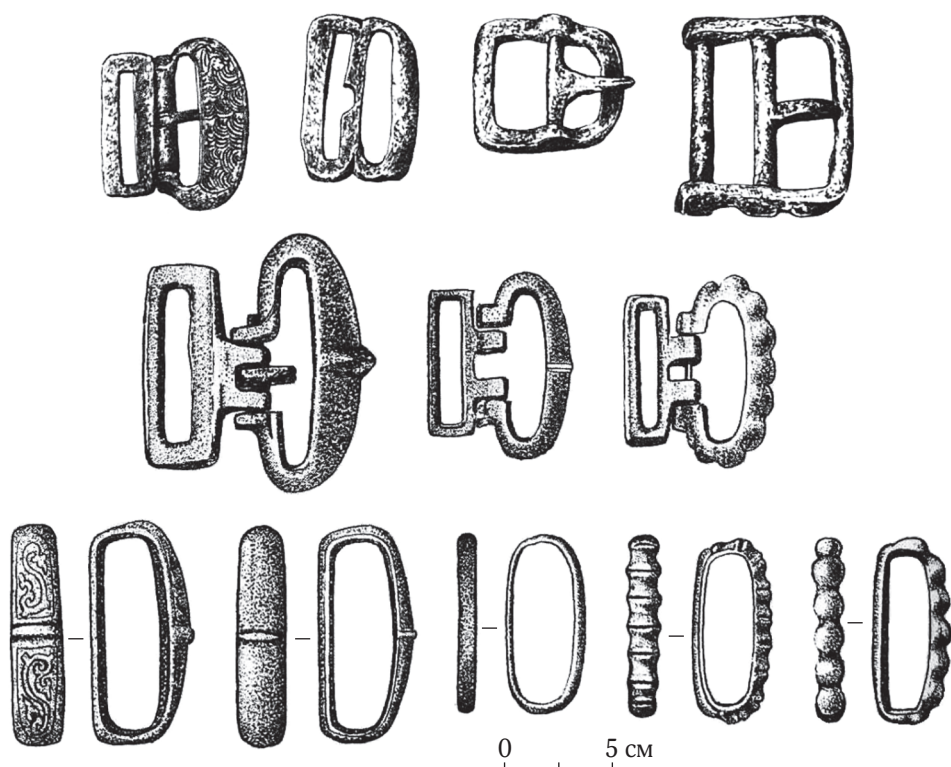

Рис. 13. Поясные пряжки и хомутки, найденные рядом с подборками наконечников стрел, Ананьевское городище [11, с. 236]

наплечный ремень, на котором мог висеть только один предмет [3, с. 76]. Но на всех известных средневековых изображениях чжурчжэней носят колчаны и луки на поясных портупеях, а конструкция ремня с обоймицами, реконструированного Ю.М. Васильевым, позволяет ношение на поясе. На картине Чжао Мэнфу явно просматривается, что колчан и налучье крепятся к одному поясному ремню. На основании всего сказанного можно сделать предположение: чжурчжэньские пешие лучники, а также чжурчжэньская знать при «парадном» ношении оружия могли носить лук и колчан «раздельно», на разных поясах. Но чжурчжэньские конные воины, вероятно, использовали, как и их противники — кидани и монголы, — одну портупею для ношения лука и колчана.

Можно также заметить, что на изображениях, где нарисован пеший стрелок, колчан и налучье подтянуты к ремню достаточно высоко. На тех изображениях, где нарисован всадник, они висят значительно ниже. Это могло достигаться регулировкой ремешков, поддерживающих налучье и колчан, к примеру, пропуском ремешка через два кольца, висящих вплотную, одно над другим. Археологические находки маленьких железных колец, часто определяемые исследователями как детали конской упряжи, на самом деле могли быть деталями колчанной портупеи и служить целям регулировки ремней.

ВЫВОДЫ

После рассмотрения отдельных конструктивных особенностей чжурчжэньских колчанов и налучьев можно сделать некоторые общие выводы. Материалы археологических раскопок и изображения в достаточной степени свидетельствуют о высоком уровне ремесленного производства у чжурчжэней колчанов и налучий, которые по своему качеству были на уровне стандартов других средневековых народов Дальнего Востока рубежа XII—XIII вв. — киданей, китайцев, монголов. Есть предположение, что чжурчжэни использовали для изготовления колчанов и налучий кожу, в то время как для многих народов Сибири и Дальнего Востока основным материалом оставалась береста. По всей видимости, у чжурчжэней колчаны с горизонтально срезанным верхом могли применяться одновременно с колчанами с «карманом».

Колчаны-короба в самой простой форме (сшитые из одного большого куска материала) применялись охотниками аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока вплоть до этнографической современности. Но в государствах Дальнего Востока период распространения колчанов-коробов закончился после завоевательных войн монголов. В период позднего средневековья колчаны-короба в Азии практически повсеместно заменялись колчанами-футлярами. Монголы государства Юань (1271—1368) некоторое время продолжали применять колчаны-короба, подобные чжурчжэньским, с плоским донцем в виде отдельной детали, хотя уже использовали колчаны-футляры — т.е. эти два типа колчанов сосуществовали в течение некоторого периода времени. Колчаны-короба с «карманом» же исчезли из обихода практически полностью. Причина этого, вероятно, в том, что стрелы с большими наконечниками сложных форм (для ношения которых как раз применялись колчаны с «карманом») постепенно вытеснялись стрелами с гранёными боевыми наконечниками. К XV в. колчаны-футляры полностью заменили колчаны-короба в снаряжении лучников Азии [1, с. 129—130]. Не избежали этой тенденции и потомки чжурчжэней — маньчжуры государства Цин. К началу XVII в., во время завоевания Минского Китая и образования нового государства, маньчжуры использовали уплощённые колчаны-футляры сложной конструкции. Подобные колчаны применялись маньчжурскими лучниками вплоть до распада империи Цин в начале XX в. Таким образом, период применения колчанов-коробов народами Дальнего Востока оказался сравнительно коротким.

Для ношения лука и колчана чжурчжэнями применялись поясные портупейные ремни из кожи; тяжёлые пояса из железных пластин на шарнирах могли использоваться во время войн, когда возникала необходимость ношения портупей с оружием поверх панциря. Налучья чжурчжэней представляли собой кожух, повторяющий формой нижнюю половину натянутого лука и, очевидно, изготавливались из кожи, натянутой на деревянный или, возможно, металлический каркас. Есть предположение, что наряду с коротким «кавалерийским» у чжурчжэней имелся длинный

асимметричный «пехотный» лук [10, с. 221]. Интересен следующий факт: на изображениях, где есть подобное оружие (рис. 1), чжурчжэнь-лучник имеет колчан, но не носит налучья. Это заставляет предположить, что длинный «пехотный» лук чжурчжэней мог налучья не иметь: оно было бы достаточно громоздким для ношения, а в быстром выхватывании и убирании лука пехотинец, в отличие от всадника, не нуждался.

При всей недостаточности сведений письменных и изобразительных источников только археологические исследования могут помочь узнать больше об этой категории чжурчжэньских предметов снаряжения, уточнить их внешний вид, способы ношения и применения. Если в ходе дальнейших раскопок на археологических памятниках чжурчжэньской эпохи будут найдены остатки колчанов, налучий и портупей, это позволит прояснить точную реконструкцию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 782 с.
2. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Развитие защитного вооружения у чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и раннего нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. С. 66—212.
3. Васильев Ю.М. Лук, детали колчанов и наконечники стрел покровской культуры (IX—XIII вв.) // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: Дальнаука, 1990. С. 70—87.
4. Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX—XIII вв. н.э.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 372 с.
5. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племён Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.
6. История Золотой Империи. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 288 с.
7. Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
8. Макиевский С.В. К вопросу о чжурчжэньских соломорезках // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2015. Вып. 3. С. 199—208.
9. Макаев Д.В. К вопросу о реконструкции чжурчжэньской стрелы // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 182—196.
10. Макаев Д.В. Проблема реконструкции чжурчжэньского лука // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 209—231.
11. Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 340 с.
12. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
13. Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII—XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 185 с.
14. 北京. 内蒙古辽代壁画/孙建华编注 = Сунь Цзяньхуа. Фрески эпохи Ляо из Внутренней Монголии. Пекин: 文物出版社, 2009. 288 с.
15. 辽陈国公主墓 / 内蒙古自治区文物考古研究所, 哲里木盟博物馆 = Чжан Юй, Сунь Цзяньхуа, Си Мудэ. Гробница принцессы Чэнь-Го. Пекин: 文物出版社, 1993. 258 с.

REFERENCES

1. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.)* [Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Middle Ages and Early Modern Period (the 15th Century — the First Half of the 18th Century)]. Saint Petersburg, Filologicheskii facul'tet SPbGU Publ., 2008, 782 p. (In Russ.)
2. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. *Razvitie zashchitnogo vooruzheniya u chzhurchzhenei i man'chzhurov v periody razvitogo i pozdnego srednevekov'ya i rannego novogo vremeni* [The Development of Defensive Weapons among the Jurchen and Manchu People during the High and Late Middle Ages and the Early Modern Period]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii pozdnego srednevekov'ya*: sb. nauch. tr. [Archaeology of Southern Siberia and Central Asia of the Late Middle Ages: Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, 2003, pp. 66—212. (In Russ.)
3. Vasil'ev Yu.M. *Luk, detali kolchanov i nakonechniki strel pokrovskoy kul'tury (IX—XIII vv.)* [Bow, Quiver Details and Arrowheads of the Pokrovskaya Culture (the 4th — the 13th Centuries)]. *Materialy po srednevekovoy arkheologii i istorii Dal'nego Vostoka SSSR* [Materials on Medieval Archaeology and the History of the Far East of the USSR]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1990, pp. 70—87. (In Russ.)
4. Vasil'ev Yu.M. *Pogrebal'nyy obryad Pokrovskoy kul'tury (IX—XIII vv.)* [Funeral Rituals of the Pokrovskaya Culture (the 9th — the 13th Centuries)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, 372 p. (In Russ.)
5. Derevyanko E.I. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ya* [Essays on the Military Affairs of the Amur Tribes]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 225 p. (In Russ.)
6. *Istoriya Zolotoy Imperii* [The History of the Golden Empire]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 1998, 288 p. (In Russ.)
7. Len'kov V.D., Artem'eva N.G. *Lazovskoye gorodishche* [Lazovskoye Settlement]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 284 p. (In Russ.)
8. Makievsky S.V. *K voprosu o chzhurchzhenskikh solomorezkakh* [On the Question of the Jurchen Straw Cutters]. *Srednevekovye drevnosti Primor'ya* [Medieval Antiquities of Primorye]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2015, iss. 3, pp. 199—208. (In Russ.)
9. Makoveev D.V. *K voprosu o rekonstruktsii chzhurchzhenskoy strely* [On the Issue of the Reconstruction of the Jurchen Arrow]. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 1, pp. 182—196. (In Russ.)
10. Makoveev D.V. *Problema rekonstruktsii chzhurchzhenskogo luka* [The Problem of the Reconstruction of the Jurchen Bow]. *Rossiya i ATR*, 2018, no. 3, pp. 209—231. (In Russ.)
11. Khorev V.A. *Anan'yevskoye gorodishche* [Ananyevskoye Ancient Settlement]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2012, 340 p. (In Russ.)
12. Khudyakov Yu.S. *Vooruzheniye tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya* [The Armament of the Central Asian Nomads during the Early and High Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 190 p. (In Russ.)
13. Shavkunov V.E. *Vooruzhenie churchzhenei XII—XIII vv.* [Weapons of the Jurchen People in the 12th — 13th Centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1993, 185 p. (In Russ.)
14. 北京. 内蒙古辽代壁画/孙建华编注 [Sun Czyanhua. Frescoes of the Liao Era from Inner Mongolia]. Beijing, 文物出版社 Publ., 2009, 288 p. (In Chin.)
15. 辽陈国公主墓 / 内蒙古自治区文物考古研究所, 哲里木盟博物馆 [Chang Yu, Sun Jianhua, Ci Mude. Tomb of the princess of state Chen (by Inner Mongolian Institute of Cultural relics and Archaeology and Zhelimu League Museum)]. Beijing, 文物出版社 Publ., 1993, 258 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 10.05.2020